

Убедившись, что опасность миновала, Ли Чжао наконец спокойно сошёл с повозки.

Командир императорской гвардии тут же опустился на одно колено, и в его голосе слышалась еле уловимая дрожь от пережитого страха:

— Ваше Высочество! Виноват до смерти — не сумел должным образом обеспечить вашу охрану и допустил, чтобы вы подверглись угрозе!

— Встань, — мягко произнёс Ли Чжао. — На тебя здесь никто не в обиде.

Его взгляд уже переместился на связанных чёрных фигурантов. Он с любопытством приблизился к ним и прислушался к их крикам: «Невиновны!», «Псы императорского двора!» — ругань лилась непрерывно. Это показалось ему забавным.

В прежней жизни, по фильмам и сериалам, он знал: настоящие убийцы, покушавшиеся на принцев, даже проиграв, сохраняли стойкость до конца — либо кусали яд, либо вскрывали себе живот. А эти явно не профессионалы, скорее разбойники. Кто же мог послать такую шайку на убийство? И зачем?

Мысли пока отложил в сторону. Краем глаза заметил, что те, кто пришёл им на помощь, хотят подойти ближе, но Мин Чжэнь, стоявший рядом, мягко, но твёрдо их остановил. В руке он держал меч, а во взгляде читалась лёгкая настороженность.

— Благодарю вас, доблестные воины, за помощь, — вежливо сказал он. — Позвольте узнать ваши имена.

Их предводитель — высокий, плотный мужчина — на мгновение замялся, затем ответил:

— Не смеем называть себя доблестными. Меня зовут Ху Вэй. А вы, сударь... не сын ли господина Мин?

Мин Чжэнь удивился:

— А вы меня знаете?

Ху Вэй прямо не ответил, а вместо этого извлёк из-за пазухи письмо.

— Мы присланы хозяином для вашей охраны. Вот подтверждение.

Мин Чжэнь принял письмо и чуть повернулся в сторону Ли Чжао. Тот мельком увидел особый знак на конверте и сразу всё понял: это люди его деда по матери. От Цзиньлинга до столицы

верхом можно добраться как раз за два дня — вероятно, они прибыли именно сегодня, но из-за усиленной охраны вокруг княжеского дворца не успели вовремя установить связь.

— Эти люди — мои, — неожиданно заявил Ли Чжао, и в голосе его прозвучала надменная властность избалованного принца. — Я сам распоряжусь ими.

Командир гвардии побледнел:

— Ваше Высочество... По закону таких преступников следует передать в Министерство наказаний для расследования. Не ставьте меня в трудное положение...

Ли Чжао небрежно поправил рукава, но тон его стал холоднее:

— Они напали именно на меня. Значит, я имею право лично разобраться с ними и выместить злость. Если же вы отправите их в Министерство наказаний, они могут внезапно «умереть» — и кому я тогда предъявлю претензии? Да и вообще: сегодня вы уже провинились, не сумев меня защитить. Так что, забирая их, я лишь избавляю вас от лишних хлопот.

— Но... — Командир гвардии обливался потом, голова его склонилась ещё ниже.

Увидев его колебания, Ли Чжао смягчил интонацию:

— Не волнуйся. За всё, что случится, отвечать буду я один.

— ...Да, государь. Сегодня мы ничего не видели.

— Разумно, — улыбнулся Ли Чжао и снял с пояса тяжёлый кошель, бросив его командиру. — Угощай братьев — пусть выпьют, успокоятся.

Затем он повернулся к Ху Вэю:

— Достопочтенный Ху, позаботьтесь, чтобы этих людей доставили во дворец Жуй-вана. Сделаешь всё как надо — щедро вознагражу.

Повозка вновь покатила по булыжной мостовой; скрип колёс эхом разносился по пустынным улицам. В тени углов, незамеченных никем, тени расходились — но все вели к одной цели.

Внутри кареты первым нарушил молчание Мин Чжэнь:

— А Чжао, как ты сам оцениваешь сегодняшнее нападение? Эти люди действовали грубо и неумело — больше похожи на бандитов, чем на наёмных убийц.

— Мы с тобой одной мысли, — кивнул Ли Чжао. — За этим стоят, скорее всего, мои старшие братья. Старший брат, наследный принц, всегда презирал подобные подлости. Второй и третий либо не двигаются вовсе, либо наносят удар молниеносно и безжалостно — уж точно не станут использовать таких недотёп. Седьмой брат хоть и любит язвить, но у него нет жестокости, чтобы заказывать убийства. Его пока исключим.

Он слегка задумался, постукивая пальцем по раме окна:

— А вот четвёртый... Его действия всегда непредсказуемы. Пятый — молчалив и замкнут. Шестой — трус: стоит только шороху в саду, как он уже прячется в молельне. Пока не допрошу этих разбойников — точного ответа не будет.

Но тут же лицо его озарила широкая улыбка, и вся серьёзность мгновенно испарилась:

— Ладно, хватит об этом! Мин Чжэнь, давно не видел, как ты сражаешься! Только что — просто великолепно! Взмах — и готово! Как ловко ты их свалил, как блеснул меч! Просто красавец!

Он восторженно замахал руками, изображая движения Мин Чжэня, и так преувеличенно, что тот не удержался от смеха.

Хотя он давно привык к этой безудержной фантазии Ли Чжао, прямолинейные похвалы всё равно заставили его уши слегка покраснеть. Мин Чжэнь слегка кашлянул:

— Сиди ровно. Не так уж и впечатляюще — ведь это были просто бандиты. Хотя... техника у меня действительно новая. Когда будет время — научу и тебя.

—

Императорский дворец. Мраморная площадь. Придворные чиновники восседали рядами, перед каждым стоял столик, на котором ещё оставались следы пирожных и фруктов.

Ли Чжао едва увидел эту картину — и невольно усмехнулся. Выглядело это совсем как императорский банкет. А если добавить к этому предстоящее появление Небесного занавеса, то получалась точь-в-точь сцена из кинотеатра перед началом сеанса в его прошлой жизни. Правда, если бы фильм рассказывал не о нём самом, он, возможно, и вправду смог бы смотреть с интересом.

Подумав ещё немного, он внутренне усмехнулся: отец-император, оказывается, заботлив. Чиновники собираются на утреннюю аудиенцию ещё на рассвете и, соблюдая придворный этикет, редко едят досыта — надеются подкрепиться после. А Небесный занавес каждый раз появляется как раз в этот промежуток, оставляя почти полчаса на перекус. Получается, будто специально предусмотрено.

Собравшись с мыслями, он прошёл сквозь десятки пристальных, многозначительных взглядов и остановился перед тронном:

— Сын кланяется отцу-императору.

Император, получивший доклад тайной стражи о покушении, внимательно осмотрел сына — убедился, что тот цел и невредим — и немного смягчил тон:

— Хм. Есть ли у тебя сегодня что сказать Мне?

Ли Чжао удивился. Он последние дни сидел под домашним арестом в своём дворце, вёл себя тихо и примерно. Почему же отец заговорил так, будто ждёт от него признания в какой-то проделке?

Он осторожно взглянул на лицо императора и осторожно пробормотал:

— Отец... Ваше здоровье в порядке? Неужели соскучились по сыну?

Император, увидев это наивное, совершенно невинное выражение лица, почувствовал, как у него подёргивается уголок глаза. Снова нахлынуло знакомое раздражение: «Железо, а не сын — хоть бы искру толку выдал!»

За последние две недели он специально перечитал все прежние работы Ли Чжао — ничего выдающегося. Ежедневные донесения тайной стражи тоже не радовали: либо кулинарными экспериментами занят, либо таскает сына Минов играть в вэйци, пить чай и читать романы. Совершенно бездельничает — да ещё и хорошего парня чужого портит!

Император считал себя знатоком людей, умеющим распознавать таланты с первого взгляда. Но чем больше он вглядывался в этого, казалось бы, беспутного сына, тем меньше понимал: как же именно этот человек в будущем взойдёт на трон и станет тем самым Великим Предком, чьи заслуги затмят тысячи лет истории? Неужели в него вселился дух какого-нибудь древнего предка?

Устав, император махнул рукой:

— Ладно. Иди на своё место.

Ли Чжао, глядя на это сложное, усталое выражение лица, с полным основанием подозревал, что на самом деле отец хотел сказать одно слово: «Катись».

Наследный принц, наблюдавший за всей сценой, не удержался и закашлялся:

— Кхе-кхе...

В этот момент перед ним появилась чашка тёплого чая. Неизвестно откуда подошёл второй принц, цзиньский ван, с заботливым видом, но с глубоким подтекстом в голосе:

— Старший брат, мне за вас страшно становится. У меня во дворце как раз живёт знаменитый лекарь. Может, направить его к вам?

Наследный принц бросил на него холодный взгляд, взял чашку и поставил перед собой, не отведав ни глотка:

— Благодарю за заботу, младший брат. Со мной всё в порядке.

— Бойтесь, что я подсыпал яд? — усмехнулся цзиньский ван, разводя руками, и легко отступил на своё место. — Да я не настолько глуп. Ведь не хочу становиться чужим швецом — чужим жнецом.

□Здравствуйте, друзья! Это Фэн Вэньтянься, и добро пожаловать на передачу «История в лицах»!□

Именно в этот момент над площадью вспыхнул Небесный занавес, и знакомый жизнерадостный голос разнёсся повсюду. Все мгновенно выпрямились. Слуги, как по команде, начали убирать остатки угощений и заменять их чернильницами, бумагой и кистями. Новая буря начиналась — вместе со светящимся потоком образов на небесном экране.

□В прошлый раз мы говорили о Пан Юне — человеке, с которым связан первый выход Святого Предка на политическую арену. Отмечу заранее: все сведения о Пан Юне взяты из его автобиографии и официальной истории династии Шэнь, а не являются вымыслом автора.

Всё началось с государственных экзаменов в двадцать втором году эры Юаньхэ.□

«Экзамены...» — мгновенно напряглись все присутствующие. С незапамятных времён экзамены были тесно связаны с крупнейшими скандалами о подлоге, каждый из которых заканчивался разрушенными карьерами и отрубленными головами. Взгляды стали осторожными, скользящими. Каждый мысленно перебирал имена тех, кто прошёл в списке успешных кандидатов в том самом, двадцать втором году.

Из каждого выпуска императорских экзаменов в столице обычно оставалось двадцать–тридцать человек. Сейчас был двадцать пятый год эры Юаньхэ, и из тех, кто тогда попал в список, лишь трое-пятеро удостоились чести присутствовать на сегодняшней аудиенции. В воздухе повисла тишина, наэлектризованная подозрениями. Взгляды — открытые и скрытые — то и дело скользили по нескольким фигурам. Многие инстинктивно отодвинулись от соседей. А те, у кого совесть была нечиста, побледнели, на лбу выступила испарина, и им с трудом удавалось

сохранять внешнее достоинство.

Почти одновременно с окончанием слов на Небесном занавесе по чайным и тавернам столицы уже начали тихо распространяться «случайные» слухи:

— Слышал? Говорят, три года назад на экзаменах было большое несправедливое дело!

— Ты отстаёшь! Я слышал, что не только три года назад — и раньше такое бывало!

□Как уже говорилось, на Пан Юне лежала ответственность за возрождение рода. Он происходил из обедневшего учёного рода, и в его поколении он был единственным, кто проявил способности к учёбе. Весь род возлагал на него огромные надежды. И Пан Юнь их оправдал: успешно прошёл все этапы, одержал победу на провинциальных экзаменах, став первым в списке — «цзеюанем», — и вышел на главный этап — столичные экзамены двадцать второго года эры Юаньхэ.

Сейчас вы, возможно, не до конца понимаете ценность звания «цзеюаня». В те времена это равнялось титулу провинциального первоучёного. Такой статус давал немедленное освобождение от налогов, право приобретать землю и автоматически открывал путь на государственную службу. Это был буквально сценарий полного социального взлёта! Как будто тебе навсегда продлили подписку на карту «звезда литературного таланта» — настоящее воплощение идеи, что знания меняют судьбу!

Но когда он, полный надежд и с благословения всего рода, пришёл на эти решающие экзамены, результат стал для него ударом: его имени не оказалось в списке победителей. Он провалил столичные экзамены!

Он никак не мог понять — почему? Он принялся расспрашивать о председателе экзаменационной комиссии, но простолюдину было невозможно добраться до высокопоставленного чиновника. Уже собираясь с горя вернуться домой, Пан Юнь узнал, что вышел сборник «Записей столичных экзаменов».

Этот сборник, как следует из названия, содержал материалы экзаменов, включая лучшие экзаменационные сочинения — обычно отбирали работы нескольких десятков лучших кандидатов. Это был своего рода официальный сборник образцовых работ, который распространялся среди всех учёных Поднебесной для изучения и подражания. Попасть туда — большая честь и признание авторитета.

Пан Юнь, думая: «Посмотрим, в чём я уступаю этим счастливым», открыл сборник... и увидел там своё собственное сочинение — но под чужим именем!□